

13. Петерсон М. Н. Русский язык : [пособие для преподавателей] / М. Н. Петерсон. – М.; Л. : Госиздат, 1925. – 123 с.
14. Пешковский А. М. В чем, наконец, сущность формальной грамматики // Избранные труды / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 74-100.
15. Пономарева Л. Ф. Семантические ограничения в deverbальном словопроизводстве класса глаголов деятельности / Л. Ф. Пономарева, Л. Т. Штефан. – Режим доступа : <http://www.rusnauka.com>
16. Смирницкий А. И. Так называемая конверсия и чередования звуков в английском языке / А. И. Смирницкий // Иностр. яз. в школе. – 1953. – № 5. – С. 20–31.
17. Солнцев А. В. Виды номинативных единиц / А. В. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 133-137.

УДК 811.23.22

Литвинникова О.И.
(Каменец-Подольский, Украина)

ПРОИЗВОДНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕГО РОДА КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ БАЗОВОГО КОНЦЕПТА «ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ

Стаття вміщує синхронний опис найменувань людини в російській діалектній мові похідними іменниками спільного роду, виконаний на основі живих зв'язків одиниць мотиваційних пар. Виділено інвентар афіксів, задіяних в утворенні названих дериватів, виявлено ступінь їх словотворчої активності.

Ключові слова: діалектна мова, номінація, іменник, дериват, похідне, словотворча структура, мотиватор, суфікс.

Статья содержит синхронное описание наименований человека в русской диалектной речи производными именами существительными общего рода, выполненное на основе живых связей единиц мотивационных пар. Выделен инвентарь аффиксов, задействованных в создании названных дериватов, показана степень их словообразующей активности.

Ключевые слова: диалектная речь, номинация, имя существительное, дериват, производное, словообразовательная структура, мотиватор, суффикс.

The article contains the synchronous description of the name of the person in Russian dialect speech by derivative nouns of the common gender, executed on the basis of live relations of the units of motivational pairs. The stock of the affixes occupied in creation of named derivatives is allocated, their degree of word-building activity is shown.

Key words: dialect speech, nomination, a noun, a derivate, word-formation structure, a motivator, a suffix.

© Литвинникова О.И., 2011

В грамматической традиции имена существительные общего рода рассматриваются в разряде экспрессивных лексических единиц и относятся чаще всего к периферии словарного состава языка как нечастотные в устной и письменной речи, являющиеся вспомогательными в актах коммуникации. Так, А. А. Леонтьев считал, что в современном русском языке экспрессивные единицы «не играют особенно существенной роли, выступая как средство стилизации и вообще в роли индуктора каких-то дополнительных поэтических смыслов» [1: 39–40]. Однако при таком подходе окажется, что для одних разновидностей и подсистем эти единицы действительно не существенны, не типичны, функционально не оправданы (официально-деловая и научная речь), для других же, напротив, функционально значимы (публицистическая и художественная речь). Вне всякого сомнения, они важны для разговорной речи в различных её разновидностях: литературно-разговорной, просторечной, диалектной: «... разговорная речь по самой своей природе предполагает выражение субъективного отношения к предмету, ситуации речи. Разговорная речь – это область, где в наибольшей степени выражается эмоциональное, индивидуальное, экспрессивное. Роль субъективных, эмоциональных, оценочных моментов здесь чрезвычайно велика» [2: 49]. Экспрессивные слова и сегодня заслуживают изучения в разных аспектах, на разном языковом материале, несмотря на то, что количественный учёт исследований таких слов, начиная с 60-х гг. 20 века (после перевода на русский язык «Французской стилистики» Шарля Балли), трудно осуществим. Разноаспектное освещение вопросов экспрессивности в специальной литературе убедительно показано в монографии Н. А. Лукьяновой [3: 6 – 7]. Будучи тесно связанными с разными семантическими проблемами, вопросы экспрессивности рассматриваются в исследованиях по общим и частным вопросам семантики (В. В. Виноградов, Ю. Д. Апресян, А. А. Уфимцева, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. Г. Гак, Е. М. Вольф, И. А. Стернин, Т. Д. Сергеева, Дж. Лайонз, Х. Касарес и др.), а также в работах, посвящённых проблемам мотивированности слов (О. И. Блинова), синхронного и диахронного словообразования (Ю. С. Азарх, М. Н. Яценецкая, Б. Я. Шарифуллин и др.), звукоподражания и звуко-символизма (Ю. С. Азарх, А. П. Журавлёв и др.).

Наше описание производной субстантивной лексики общего рода русской народной (диалектной) речи проведено в русле синхронного словообразования.

Источником фактического материала (более 1500 единиц) послужили извлечения из толково-словообразовательного словаря «Человек в производных именах русской народной речи», составленного нами в соавторстве с профессором Щецинского университета (Польша) М. А. Алексеенко [4].

Под диалектной речью понимаем разновидность русского языка, сформировавшуюся в современной действительности как результат трансформации диалектных подсистем под влиянием литературного языка и самих говоров. Следовательно, мы не разграничиваем имена существительные общего рода, диалектные по происхождению, но освоенные литературным языком, типа *задіра*, *забіяка*, *зануда*, от собственно диалектных: *вергасá* – ‘быстро и непрерывно говорящий человек’, *ватóла* – ‘болтун, болтуня’, *ерепéня* – ‘капризный человек’, *зя́па* – ‘крикливый человек’, *задрéпа* – ‘неопрятный, неаккуратный человек, замарашка’ и т. д. и не пользуемся соответствующей пометой «диал.» для последних и подобных им производных.

Предметом внимания, таким образом, в данной статье являются дериваты, выполняющие две функции – номинативную и экспрессивную (*балабóлка*, *крікса*, *шату́шка*

и т. д.); бранные слова (*холёра, зара́за* и др.), не имеющие номинативной функции, не рассматриваются, как не рассматриваются и имена собственные, склоняемые и несклоняемые существительные, в большинстве своём непроизводные по структуре с номинативной семантикой.

Словообразовательный «портрет» изучаемых единиц (с учётом их продуктивности, формальных признаков и неформальных показателей экспрессивности) составляют дериваты отглагольной производности со словообразовательным значением (СЗ) 'лицо м. и ж. пола по действию, названному мотивирующим глаголом'; отаггективной производности (СЗ 'лицо по признаку'); отсубстантивной производности (СЗ 'лицо по опредмеченному признаку'); дериватов, мотивирующихся сочетаниями слов и словосочетаниями, в том числе – устойчивыми (фразеологическими) и т. д.

В данной статье остановимся на наиболее распространённых экспрессивных наименованиях лиц мужского и женского пола отглагольной производности суффиксального типа (918 единиц) и частично покажем их в соответствии с продуктивностью словообразующих формантов, несмотря на то, что перечни суффиксов, участвующих в создании названных единиц даны во многих работах [5: 247; 68 – 72; 184; 253; 255; 215 – 223; 446]. Делаем это потому, что одни и те же суффиксы, взаимодействуя с мотиваторами, не известными, малоизвестными и даже известными на литературной основе, в диалектной речи образуют совершенно иные слова; к тому же количество словообразующих суффиксов в наших материалах существенно отличается от того, что выделено в имеющихся исследованиях. На то, что «производных слов, характеризующихся нетипичными семантическими показателями (единичность по форме, уникальность по содержанию) не так уж мало», в своё время обращала внимание М. Н. Янценецкая [6: 46].

Более одной трети (390 ед.) составляют, по нашим наблюдениям, производные с нулевым суффиксом: *булды́га* – 1. Пьяница, буян (Даль – без указ. места распространения, смол.) // *Гуляка* (влад., моск., нижегор.). 2. Сварливый, скандальный человек (симб.). (*Буды́жить* – 'пьянствовать, буянить, браниться, драться'); *воло́ча* – 'тот, кто *воло́чится* – 'слоняется без дела' (олон.); *вава́ка* – неодобр. Косноязычный человек. Ср. в тексте: *А что Ванька вавака, что Тоська вавака* (тул.) (*вава́кать* – 'говорить неразборчиво, невнятно, непонятно, косноязычно'); *зно́зда* – 'надоедливый человек, тот, кто надоедает' (перм.) (*зно́дить(ся)* – 'надоедать' и др.;

– с суффиксом *-л(о, а)* (116 ед.): *бу́згало* – 'тот, кто *бу́згает* – 'много и жадно пьёт' (вят.); *брехло́* – 1. Тот, кто имеет привычку ругаться, ссориться (пск., смол., тул.). 2. Лгун, лгунья. Ср. в тексте: *Вот брехло-то! Никогда правды не скажет* (калуж., курск.). *Брехло и брехло! Не связывайся с им (с ей)!* (тул., барнаул.); *изгиба́ла* – 'ломака, кривляка' / тот, та, что *изгиба́ется* (перед кем-л.) – 'кривляется, корчит их себя «Марью Ивановну»' (вят.); *вопи́ла* – 'плакса' (пск., Даль) (*вопи́ть* – 'громко кричать, плакать' и др.;

– с суффиксом *-к(а)* (90 ед.): *блукуня́ка* – 'бродяга' (смол.) (*блукуня́ть* – 'бродить, слоняться без дела'); *гундо́ска* – 'тот/та, что *гундо́сит* – 'говорит в нос, гнусавит' (ворон., Даль); *мури́жка* – 'кто часто водит в игре' (смол., пск.) (*мури́жить /муры́жить* – 'доводить кого-л. до усталости игрой, шалостями') и т. д.;

– с суффиксом *-лк(а)* (41 ед.): *буды́лка* – 'тот/та, кто *буди́т* кого-л.' (Даль – без указ. места); *затяга́лка* – 'запевала' (урал.); *коряба́лка* – 'человек, который некрасиво пишет' (горьк.) (*коряба́ть* – 'некрасиво, плохо писать') и др.;

– с суффиксом *-ух(а)* (25 ед.): *зажиму́ха* – ‘скряга’ (карел.); *заеду́ха* – ‘злой, придиричивый человек; кто «заедаётся» с кем-л.’ (волог.); *криксу́ха* – ‘плакса, ре́ва’ (эст.) и др.;

– с суффиксом *-ох- (-ёх)-а* (23 ед.): *верчёха* – ‘непоседа’ (костром.); *застило́ха* – ‘льстивый человек’ (пск., твер.) (*застила́ть* – ‘льстить’); *загуле́ха* – ‘любитель / любительница погулять; отлынивающий от работы человек’ (арх.) и др.;

– с суффиксом *-уш(-юш)-а* (23 ед.): *вянзу́ша / вяньзу́ша* – ‘плакса’ (вят., горьк., перм.); *крику́ша* – ‘крикун, крикунья’ (костром.); *кряхту́ша* – ‘кто *кряхтит*’ (Даль – без указ. места); *кваку́ша* – ‘плакса’ (пск., Даль) и др.;

– с суффиксом *-ушк(-юшк)-а* (19 ед.): *бро́душка* – ласк. ‘Ребёнок, начинающий ходить’ (твер.); *волну́шка* – ‘нервный человек, волнующийся без особых на то причин’ (липец., ворон.) и др.;

– с суффиксом *-х(а)* (18 ед.): *обмани́ха* – ‘обманщик, обманщица’ (Даль – без указ. места); *обира́ха* – ‘тот/та, что обирает других’ (вят.); *растащи́ха* – ‘человек, растаскивающий и растрачивающий всё из семейного бюджета (имущества)’ (яросл.) и др.

До 10 единиц производных с суффиксами:

-ул(я), -ак(-як), -а-, -ен(я), -уг(-юг)-а, -аг(-яг)-а, -шк(а), -ишк(-ышк)-а, -н(я), -иш(а), -он(я), -их(а), -ин(а), -иц(-лиц, -ниц)-а, соответственно, ср.: *грусту́ля* – ‘тот, кто грустит’ (карел.), *диву́ля* – ‘тот, кто *дивит* (удивляет) кого-л. своими шутками’ (арх.), *жесу́ля / жиму́ля* – ‘скряга’ (волог., яросл., Даль); *жма́ка* – ‘скупого человека’ (орл.), *забива́ка* – ‘драчун, драчунья’ (каракалпак.); *мерзля́ка* – ‘тот, кто быстро мёрзнет (зябнет)’ (забайк.); *боче́ня* – ‘человек, который *боченится*’ – ‘важничает, чванится’ (вят.), *подмазе́ня* – ‘грязнуля’ (нижегор., яросл.); *заеду́га* – ‘задира’ (твер., пск., иркут.), *задерю́га* – ‘задира’ (сев.-двин.); *запива́га* – ‘пьяница’ (амур.), *кома́га* – ‘изнуряющий себя работой человек’ (пск., твер.) (*коме́ть* – ‘изнушать себя работой’); *побира́шка* – ‘тот, кто побираётся (нищий, нищенка)’ (дон.), *мара́шка* – ‘неряха’ (вят.); *капризу́шка* – ‘тот, кто капризничает’ (волог.), *приюти́шка* – ‘тот, кого приютили’ (влад.); *долбня́* – ‘бестолочь’ (костром., курск.), *бухня́* – ‘человек, который *бухает*’ – ‘говорит невпопад’ (волог.); *обдерю́ша* – ‘человек, способный *ободра́ть* (обобрать) другого’ (пск., твер.), *нарви́ша* – 1. Тот, кто неожиданно *нарва́лся* (наткнулся) на что-л. (пск., твер.). 2. Нахал, нахалка (пск., Даль); *дрыхо́ня* – ‘соня’ (кто любит *дры́хнуть* – спать) (пск., калуж., твер., нижегор.), *набиво́ня* – ‘тот, кто назойливо *набивается* (навязывается), когда его не просят об этом’ (пск., твер.); *заспи́ха* – ‘засоня’ (волог., костром., яросл.), *мандри́ха* – ‘непоседа, бродяга’ (смол.) (*мандрова́ть* – ‘бродить, шататься’); *жи́лина* – ‘плут, плутовка’ (смол.), *глоти́на* – ‘обжора’ (волог.); *оти́вица* – ‘пьяница’ (урал.), *висели́ца* – ‘тот, кто не утруждает себя работой, любит болтаться без дела’ (волог., дон.) (*висе́ть* – ‘медленно работать’), *пропо́йница* – ‘пьяница’ (петерб., орл., тул.) и т. д.

Словообразующими для единичных образований выступают суффиксы: *-ён(а), -ешк(а), -б(а), -еј(а), -ор(а), -ц(а), -в(а), -тв(а), -ур(а), -льшин (-льцин)а, -ашк(а), -ош(-еш)а, -ошк(а), -омк(а), -ш(а), -ж(а), -отн(я), -ут(-ют)а, -юкс(а), -г(а), -овн(я), -енк(а), -от(а), -ид(а), -атуш(а), -вк(а), -итк(а), -отк(а), -ник(а), -анк(а), -иг(-ыг)а, -ун(я), -утк(а), -ыр(я), -ег(а).*

Особая экспрессивность, эмоциональность и выразительность, характерная для диалектного материала, осложняет изучение эмоциональной оценки как компонента семантики производных слов. Отчасти этим объясняется пестрота лингвистической интерпре-

тации экспрессивной лексики в работах лексикологов и в словарях (словарные пометы «неодобр.», «ласк.», «пренебр.», «презр.» и др. обозначают соответствующие эмоциональные реакции говорящих по отношению к предмету речи, а оценка как бы скрыта в эмоциях и «развёртывается» в той или степени лишь в конкретных высказываниях).

По справедливому утверждению Н. А. Лукьяновой, «оценочность», представляемая как соотносённость слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляют двух различных компонентов значения, они едины, как неразрывны оценка и эмоция на внеязыковом уровне» [3: 45]. Главное, ради чего употребляется слово – это образ (целостное наглядное, «коллективное» представление о реалиях, связанное со словом, общее для определённого коллектива людей, живущих на определённой территории): *бухара́д* ← *буха́рить* (лгать) (вят.), *бу́рмоса* ← *бу́рмосить* (невнятно, неотчётливо говорить, бормотать) (волог.), *возго́ла* ← *возго́лить* (пачкать, гадить) (пск., твер.) и др. Образное слово в диалектной речи, обозначая некое лицо, одновременно характеризует его с качественно-количественной стороны; цель его употребления состоит в том, чтобы вербально выразить отношение говорящего к предмету речи и его оценку: *гугни́ха* – ‘гнусавый человек’ (новг., урал., Даль) (*гугни́ть* – ‘говорить в нос, неразборчиво; гнусавить’), *за́мёнушка* – ласк. ‘помощник, помощница’ (вят.) и др.

Приведённые выше производные, созданные разными суффиксами, свидетельствуют о том, что в говорах русского языка, как и в самом языке, нет аффиксов, специализирующихся на выражении образности. Она заложена в мотиваторе. Что касается суффиксов субъективной оценки, то они репрезентируют эмоциональность, но не образность, следовательно, являются формальными признаками экспрессивности интересующих нас существительных, которые, в свою очередь, представляют довольно яркую картину слов. Думается, не случайно авторы монографии «Русская разговорная речь» в разделе «Экспрессивное словообразование» ограничили объект своего описания именами существительными [7 : 238].

Носителям русского литературного языка многие диалектные слова, в том числе и производные по структуре, могут казаться новыми, необычными и потому уже экспрессивными, но это не совсем так: новизна – показатель слова, не ставшего фактом узуса и системы, а это характерно для окказиональных слов, каковыми в системе диалектной речи воспринимаемые так слова не являются. Кстати, и для узуальных слов, если отвлечься от диалектной речевой ситуации, признаком экспрессивности является всё-таки не новизна, а необычность или уникальность звуковой формы по сравнению со звуковой формой неэкспрессивного слова. Необычность, лаконичность, новизна – все эти признаки экспрессивного слова относительны, поскольку объективных критериев выделения необычности, лаконичности, оригинальности, а тем более – степени оригинальности слова – пока нет.

Изучаемые дериваты имеют необычные формы за счёт широкого набора словообразующих суффиксов, роль которых как формального средства выражения экспрессивности значительна. Нередко эта их роль снижается. Прежде всего это связано с производством имён существительных общего рода от экспрессивных мотиваторов, особенно – фразеологизмов: *залива́ха* (ряз., пск.) и *заливу́ха* (пск., твер.) – ‘пьяница’ (от ФЕ *зали́ть* / *залива́ть глаза* – ‘напиться / напиваться пьяным’), *мути́ла* – ‘подстрекатель, подстрекательница; сплетник, сплетница’ (от ФЕ *мутить воду* – 1. Умышленно запуты-

вать какое-л. дело, вносить неразбериху во что-л. 2. Вносить смуту, раздор в отношения между кем-л.) и т. д. Наличие связи между экспрессивностью и мотивированностью подчеркивали в своих исследованиях многие лингвисты: В. А. Звягинцев, А. П. Журавлёв, О. И. Блинова, Н. А. Лукьянова, Т. В. Матвеева, И. А. Воробьева и др.

«Денотативный базис» дериватов в основе своей прозрачен: *певáка* – ‘певец, певица’ (арх., амур., сев.-двин., мурман.); *кошáка* – ‘тот, кто косит траву; косец’ (свердл.); *замарáха* – ‘грязнуля, замарашка’ (орл., курс., тул., влад.); *задерíшка* – ‘задира’ и т. д.

В характеристике лиц м. и ж. пола преобладает отрицательная оценка. Факт преимущественно отрицательно характеризующих человека единиц отмечен нами и на примере диалектной фразеологии [8: 93-108; 238]. Негативная оценка как общая тенденция фразеологической оценочности обнаружена польской исследовательницей Мирославой Горды в большинстве ФЕ с компонентом-соматизмом русского и польского языков [9: 250]. В системе производной лексики, правда, безотносительно к именам существительным общего рода, подсчёт в пользу отрицательной оценки был сделан Т. А. Трипольской (словообразовательных дериватов с положительной оценкой ~ 11%, с отрицательной ~ 89%). [10: 106].

Наши наблюдения позволяют заключить, что мобильность словообразования как источника формирования экспрессивного лексического фонда русской диалектной речи бесспорна, хотя всё ещё мало изучена, как и само словообразование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. – М., 1969. – С. 39 – 40.
2. Солганик Г. Я. К проблеме классификации функциональных стилей на интралингвистической основе. // Основные понятия и категории лингвистилистики. – Пермь, 1982. – С. 49.
3. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. – Новосибирск, 1986. – С. 6 – 7; 45.
4. Алексеенко М. А., Литвинникова О. И. Человек в производных именах русской народной речи. Словарь. – М.: ЭЛПИС, 2007. – 516 с.
5. Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М., 1984. – С. 247; Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 68 – 72; Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М., 1984. – 184 с.; Князькова Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII века. – Ленинград, 1974. – С. 253; Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1984. – С. 255; Русская грамматика. Т.1. – М., 1980. – С. 215 – 223; 446.
6. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск, 1979. – С. 46.
7. Русская разговорная речь. – М., 1983. – С. 238.
8. Литвинникова О. И. Семантическое поле ‘Человек’ во фразеологической системе русской диалектной речи // Лінгвістика. Збірник наукових праць. №2(3). – Луганськ, 2004. – С. 93 – 108. Ср. также: Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. – М., 2004. – 238 с.

9. Горды Мирослава. Соматическая фразеология современных русского и польского языков. – Щецин, 2010. – 364 с.

10. Трипольская Т. А. Семантическая структура экспрессивного слова и её лексико-графическое описание (на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица). Дисс. ... кандидата филологических наук. – Новосибирск, 1984б. – С. 106.

УДК 81'0:811.161.2+811.111

Драпак О.З.
(Чернівці, Україна)

ІНТЕРНАЦІОНАЛЬНІ ТЕРМІНИ З РІЗНИМ СЕМАНТИЧНИМ НАПОВНЕННЯМ В УКРАЇНСЬКІЙ ТА АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ У ПОСТРАДЯНСЬКИЙ ПЕРІОД

У статті зроблена спроба виявити розбіжності у семантичному наповненні окремих інтернаціональних термінів (в українській і в англійській мові), які активно використовуються у пострадянський період у засобах масової інформації і у повсякденному вжитку, а також визначити і охарактеризувати їхні особливості.

Ключові слова: інтернаціональний, семантика, семантичний, відмінність.

В статье осуществлена попытка выявить несовпадения (расхождения) в семантическом наполнении некоторых интернациональных терминов (в украинском и в английском языках), которые активно используются в постсоветский период в средствах массовой информации и в повседневном употреблении, а также определить и охарактеризовать их особенности.

Ключевые слова: интернациональный, семантика, семантический, отличие.

The article considers the state of international terminology in composition with the Ukrainian language of the post-Soviet period in mass media and everyday use. The author gives definition of them in the Ukrainian and English languages and characteristic features.

Key words: international, semantics, semantic, difference.

Починаючи з 90-х років ХХ століття, у зв'язку з інтеграцією України у світове співтовариство, у повсякденному вжитку (і, відповідно, - у складі загальноновживаної термінології української мови) значно активізувалися зрозумілі без перекладу у різних мовах інтернаціональні терміни. Така активізація посприяла входженню до активного словникового складу української мови досліджуваного періоду великої кількості запозиченої лексики, яка інколи навіть засмічує українську мову і робить її більш зрозумілою для носіїв англійської мови, ніж для українців.

Пропорційно поповненню української мови інтернаціональною термінологією збільшується і кількість випадків невідповідності семантичного наповнення інтернаціональної лексики в українській і в англійській мовах. У зв'язку з цим виникає необхідність

© Драпак О.З., 2011